

УРАНИЯ

*"Слава наших ушей об источнике новом
достигла,
Том, что копытом пробил в скале Быстрокрылец
Медузы,
Ради того я пришла. Я хотела чудесное дело
Видеть. Я зрея, как сам он из крови возник
материнской".
"Ради чего б ни пришла, - отвечала Урания, - в
наши
Сени, богиня, всегда ты нашему сердцу желанна!
Верен, однако же, слух: Пегасом тот новый
источник
Был изведен", - и свела Тритонию к влаге
священной,
Долго дивилась воде, от удара копыта потекшей,
Обозревала потом и лесов вековечные чащи,
Своды пещер и луга, где цветы без счета
пестрели,*

Овидий «Метаморфозы», Песнь пятая

Жалюзи у ограждающих стеклопакетов были подняты, поэтому кабинет начальницы отдела операций с валютой и зарубежных депозитов банка «Транс-кредит» был похож на большой аквариум. Среди кишевшей день-деньской мелкой плотвы, в него иногда заплывала очень крупная рыба, а иногда с кривой улыбкой бочком входили и настоящие «акулы бизнеса». Но сейчас к Веронике Евгеньевне зашел сумрачный молодой человек, с подчеркнутым недовольством передавая ей пачку распечаток банковских операций по депозитам в офшорные зоны.

В отделе работали преимущественно молодые люди, устроившиеся на «теплое место» по твердым рекомендациям и надежным гарантиям. Большинство из них имело ясно читавшуюся на безмятежной физиономии цель сделать себе на валютных операциях хорошее состояние, чтобы больше никогда в жизни не работать. Но были мальчики с желанием создать свой собственный банк или, на худой конец, занять место Вероники Евгеньевны. Поэтому она вздрагивала от каждой остроты в своей адрес, понимая, что каждая ее ошибка будет немедленно использована против нее. В пустых глазах своих сотрудников видела не только готовность за свой законный процент перечислить что угодно и куда угодно, но и растущее раздражение в ее адрес, будто она нарочно загораживала от них далекие горизонты их детально продуманных «смыслов жизни». Она нисколько не сомневалась, что любой из ее милых и вежливых подчиненных с легкостью перешагнет через нее на пути к достижению своих грандиозных планов.

Она взяла распечатки и, подняв на молодого сотрудника свои красивые фиалковые глаза, тихо сказала: «Не беспокойтесь, Олег Васильевич! Мне эти данные необходимы для анализа, чтобы сделать доклад руководству. В том числе, как вы поняли, мне придется доложить и сведения самого конфиденциального характера. Затем я воспользуюсь шредером, а часть листочеков сожгу прямо здесь. У меня здесь пожарной сигнализации нет, прежний начальник отдела был курящим человеком и позволял делать это в рабочее время на рабочем месте».

Молодой человек внимательно посмотрел на письмо Росфинмониторинга со списком лиц, причастных к экстремизму и терроризму, и текст Федерального закона №115-ФЗ от 07.08.2001 года «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». С намеренной небрежностью Вероника Евгеньевна бросила

на самое видное место эти документы, по которым все банки должны были закрывать счета и платежные карты лиц, упомянутых в списке. Среди людей, указанных в этом списке, Вероника Евгеньевна не встретила ни одной фамилии клиентов банка, да и была абсолютно уверена, что все эти фамилии вымышлены, поскольку у большинства граждан в качестве места постоянного жительства были указаны самые глухие населенные пункты, где вряд ли имелись даже отделения вседесущего Сбербанка. Что-то подсказывало ей, что весь этот список составлялся ради одной единственной фамилии женщины, которую Вероника Евгеньевна никак не могла отнести к числу «террористок-смертниц» или «шахидок», поскольку хорошо знала, кем та является на самом деле. И при этом большую часть средств, которыми оперировал их отдел, можно было с чистой совестью отнести к «доходам, полученным преступным путем», но такой совести в их учреждении не водилось, а свою совесть Вероника Евгеньевна привыкла ничем не проявлять.

- Вы что, решили наших клиентов по этому списку проверять? – с почти нескрываемым презрением спросил молодой человек Веронику. И она нисколько не сомневалась, что весь его негатив относится к ней, а вовсе не к документам, и уж точно не к тем, кто их писал.

- Я что, по вашему мнению, совс... того? – со своей знаменитой «змеиной улыбкой» поинтересовалась Вероника у молодого человека. Эту омерзительную улыбку она долгие годы отрабатывала на всех молодых людях, презрительно смотревших сквозь нее, вглядываясь в свои далекие целлулOIDНЫЕ мечты. И пока она в совершенстве не освоила эту улыбку, обнажавшую краешки верхних зубов так, что казалось, будто во рту у нее торчат острые иглы, готовые впиться в чужую глотку, она не могла рассчитывать и на свое скромное доходное место возле финансовых потоков, мутной рекой уходивших за границу.

- Есть и другие... списки, – заметила она, насладившись произведенным эффектом. – И вы сами понимаете, что мы не можем им отказать в информации!

- Вот черт, мы же кредитное учреждение! – в крайней досаде прошептал молодой человек.

- А мне что прикажете делать? – ответила Вероника ему таким же шепотом. – Вы знаете, что если мы им не предоставим данные по оборотам, у нас возникнут проблемы!

- А где эти списки? – спросил ее сотрудник.

- Здесь, – показала ему Вероника карандашом на собственный висок. – И там нет тех фамилий, которые их интересуют на самом деле. Поэтому я должна увидеть всю картину!

- Вы мне не доверяете, – почти обиженно спросил молодой человек. Вероника с удивлением посмотрела на него, впервые услыхав в его бесстрастном голосе что-то вроде неподдельного интереса.

- Да ты бы сдал всех и сразу! – ответила ему Вероника, улыбнувшись еще раз для закрепления достигнутого результата.

Молодой человек отвел глаза, пожал плечами и вышел из ее аквариума. Конечно, они ведь тоже мысленно ставили себя на место тех, кто мог оказаться в каком-то очередном списке в рамках очередной «кампании по борьбе».

Вероника, сидя вполоборота к общему залу так, чтобы подчиненные не видели ее шевелившиеся губы, раскрыла распечатки и нашла депозитные счета братьев Думбаевых. Эти, конечно, ни в какие списки не попадут. Но из-за всей этой кутерьмы со списками, которыми Росфинмониторинг уже достал всех, проявляя активность на фоне полной бесполезности, она, наконец, получила доступ к операциям, которыми ведал очередной претендент на ее место.

Половина интересовавших ее депозитных счетов была в банках на Кипре. И Вероника на минутку представила лазурное прозрачное море, теплый песок и обрывистый берег на горизонте. Глядя на счета, она прошептала слова над каждым счетом. Пытаясь сохранить бесстрастное лицо, она смотрела, как счета в распечатке будто сжимались и корчились, может быть потому, что листок просто дрожал в ее руке. Затем, зная, что за ней, не мигая, холодными рыбьими глазами наблюдают ее мальчики, она положила в шредер все листочки, кроме тех двух, со счетами на Кипре. Их она подожгла отдельно в пепельнице и прошептала себе под нос странные слова, напоминавшие ей детскую считалку.

*Сгори дотла, старая трава!
Сгорите до точки, неровные строчки!
Да будет слово верно, окажите
милость,
Пусть вернутся деньги, где бы не
водились!
Да будет слово крепко, сказанное в
срок,
Накажите деньги подлость и порок!
Да будет слово твердым, я на нем
стою.
У земли и неба на самом краю.
Зеленейте листики, каждый в свой
черед,
Подрастайте, денежки, будет нам
доход.
Аминь!*

Ей захотелось прикрыть горевшие листочки рукой, так как охватившее их пламя явно имело свой собственный интерес к указанным на них счетам и клиентской базе. Синий огонек внимательно пробегал по строчкам, переворачивал страницы и будто отмечал наиболее интересные трансакции, причем, именно те, которые показались особенно подозрительными и самой Веронике. Затем огонек некоторое время будто пребывал в задумчивости, но вдруг

одним рывком, раскалившись до светло-желтого пламени, уничтожил листки с информацией, добытой для него Вероникой.

Она опасливо глянула на операционный зал и успокоилась, никто за ней больше не наблюдал. Как только она щелкнула зажигалкой, мальчики ее отдела тут же потеряли всякий интерес к происходящему, понимая, что криминала она нынче не совершил и должностных инструкций не нарушит.

Вероника убрала пепельницу, включила вытяжку и взяла, наконец, в руки списки Росфинмониторинга, думая про себя, что никогда бы не докатилась до такого средневекового шаманства без этих списков. Нет, ей и раньше хотелось устроить что-то подобное, и было бы славно, если бы это помогло. Она уже не могла смотреть на эти распечатки в руках своих довольных жизнью сотрудников. Но последней каплей стали именно эти гадкие списки и наезды правоохранительных органов и спецслужб на кредитные организации с требованием доносить на клиентов. Впрочем, до самого камлания, пожалуй, ее довело то, как эти силовые структуры распоряжались полученной информацией, опускаясь до шантажа и вымогательства.

* * *

В своем детстве и юности Вероника не могла найти и малейшего намека, что когда-нибудь будет одаривать змеиной улыбкой своих молодых сотрудников, даже не считая их за людей, куда более органично воспринимая их в качестве строчки в ведомости.

Она родилась в маленьком старинном уездном городке, в часе езды от Москвы. Городок был наполнен давно позабытым уютом и домовитостью давно ушедших времен, когда жившие в

нем люди радовались жизни невдалеке от столичной сутолоки. Веронике тех времен не досталось, на ее долю выпали ущербная подобострастность и заискивание перед любым начальственным окриком из Москвы. В городке царил такой культ столицы, будто только там сосредоточился весь смысл жизни, который сразу же утрачивался при пересечении МКАД. Стоило среди «столичных веяний» появиться чему-то новенькому, будь то телепередача или конкурс, - немедленно откликались уездные деятели культуры и делали что-нибудь «свое» с абсолютно одинаковым названием, дабы «не отстать от жизни». В разговорах местного бомонда главной новостью была недавняя поездка в первопрестольную по каким-нибудь делам или просто так, без дела. Самые важные гости в городе всегда были из Москвы, всем вокруг было понятно, что в других местах ничего «важного» укорениться не может.

К пятому классу все это так достало Веронику, что ее единственным заветным желанием стал переезд в столицу. Ей была невыносима сама мысль о том, что ее жизнь может пройти на обочине столичного шоссе, провожающем льстивыми улыбками каждую машину с московскими номерами.

Спустя долгие годы Ника неоднократно возвращалась мыслями к этому своему желанию, самым роковым образом отразившемуся на ее судьбе. Будучи одной из первых учениц в лучшей школе города, девочка была уверена, что Москва ее ждет с нетерпением. Смутные терзания по поводу выбора профессии были закончены поступлением в хороший отраслевой ВУЗ и удачным, как казалось всем ее восторженным родственникам, замужеством за москвичом из интеллигентной семьи. Они с утра и до вечера рассказывали, какую замечательную партию сделала Вероника в Москве. Ее муж Василий и в самом деле был красивым парнем, очень неглупым, но не слишком расположенным к «провинциальному домострою», как он называл наивные представления Вероники о семейном быте. А иногда он любил крепко выпить, становясь агрессивным, обвиняя Веронику, что она вышла за него замуж исключительно из желания получить столичную прописку. Вероника продолжала верить в светлое будущее и изо всех сил старалась вить свое гнездышко, полагаясь на русский «авось». По нему Васенька должен был образумиться и оценить её усилия. Она вставала в пять утра, чтобы проводить мужа на работу горячими пирожками, за руку отвела его в институт и помогла его закончить, решая все задания по математике, физике, теоретической механике, сопротивлению материалов... И пока Василий отсыпался от запоев, в которых выговаривал, что все это нужно ей, а не ему, она, глотая горькие слезы чертила своемууженному курсовые.

Но время шло, маховик судьбы начинал раскручиваться, первым оборотом унеся в могилу маленького сыночка, первенца – Андрюшу. Нелепая трагическая случайность, полное отсутствие врачей на рабочем месте в нужный момент. Впрочем, момент был нужен только ей, теребившей холодную ладошку сына. Для всей страны намного нужнее было послать врачей на уборку урожая, как ей объяснила потом заведующая педиатрическим отделением, когда она в слезах попыталась укорить медиков, больше казня саму себя. Свекровь, которой всегда было намного нужнее побывать на дачном участке, она и корить не стала, зная, сколько ответных укоров та имеет в ее адрес и без Андрюши. И во всех глазах вокруг Вероника читала лишь один немой укор, что она не смогла уберечь сына. Она была благодарна всем, кто не высказывал его вслух, потому что ко всем укорам Василия в его запоях прибавились и обвинения в смерти сына.

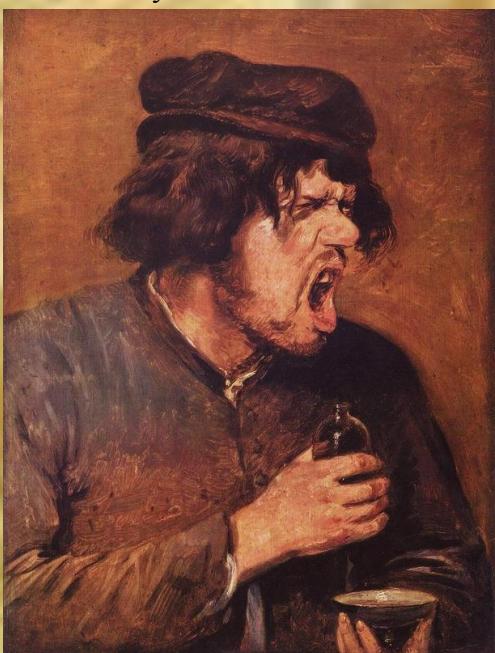
Но тогда она поняла, сколько защитных барьеров внутри выставляет душа, чтобы ужас происходящего вокруг не сразу доходил до нее в хлопотах о ритуальных принадлежностях, поминках и устройстве съехавшихся на похороны ее мальчика родственников. Внутри она так и не приняла произошедшего. В памяти остался лишь снег, выпавший в летнюю ночь в Подмосковье накануне похорон Андрюши.

Вторая беременность и вторые роды, и второй оборот маховика настиг Нику точно так же, навсегда лишив для нее смысла пословицу «Бомба два раза в одну воронку не падает». Еще как падает... Третий, долгожданный сыночек родился, когда семейная жизнь уже трещала по швам, хотя молодые уже жили в отдельной квартире, полученной Никой на производстве.

Пить ее муж не бросал, уже начиная поднимать руку на разочаровавшую его жену. И в одну бессонную ночь Нике пришло в голову нечто вроде укора, хотя она привыкла никого, кроме себя, не корить.

Она вдруг вспомнила, как мужа и его родных раздражали ее материнские заботы. Она вспомнила, как свекровь запрещала ей сушить пеленки в ванной комнате, как могла позавтракать детским творожком с домовой кухни. Она впервые удивилась тому, с каким раздражением родня ее мужа воспринимала все ее просьбы хоть в чем-то поступиться своими интересами ради ее детей. Да, оба ее мальчика были только ее, в этом она нисколько не заблуждалась. Вспомнив вечную присказку свекрови «С моими детьми никто не водился!», она поняла, как некстати были все ее просьбы для этой женщины, с огромным облегчением сбросившей на плечи Ники все материнские заботы о своем Васеньке, доставлявшем ей столько проблем. А потом она вспомнила ее странные слова на кладбище возле маленького холмика, сказанные больше из недоумения, чем со зла: «Ведь только жить начала!», и поняла, что и ей именно сейчас, чтобы в очередной раз не потерять ребенка, надо срочно начинать свою жизнь.

Утром, не глядя на потрясенного мужа, вкратце объяснив ему банальную мысль «Боливар не вынесет двоих», она предложила ему немедленно развестись. Все прозвучало обыденно, будто давно созревший плод скатился с ветки на стылую землю. Да и сам развод бы ничем ей не запомнился, поскольку ее душа, вновь готовившаяся к материнству, выставляла прочные барьеры напрасным и бесполезным сожалениям. Но здесь возникла одна пикантная деталь в виде Тоньки, веселой и бесшабашной двоюродной сестры Вероники с Украины, уже дважды побывавшей замужем. Раз в год приезжала в Москву «скупиться», внося в серую, семейную жизнь Вероники массу захватывающих впечатлений. Как только она узнала из письма Вероники о разводе, она тут же ринулась к ней в Москву, будто бы затем, чтобы помочь разъехаться. Но с той же легкостью, с какой рассказывала о своих амурных приключениях, она на глазах Вероники сошла с уже разведенным Василием и начала отвоевывать себе место под солнцем самым простым способом, поливая грязью оторопевшую от неожиданности Веронику, стараясь поделить жилплощадь бывших супругов до рождения ребенка. Хорошо, что Тонька спешила с отъездом на Украину, поскольку они с Василием решили сыграть свадьбу в доме родителей невесты. Веронике уже тяжеловато было задерживаться на работе и гулять в парке до темноты, чтобы меньше общаться с Тонькой, почувствовавшей себя полной хозяйкой в их доме. Она с упоением делила их «совместно нажитое имущество», роясь в шкафах и комодах двоюродной сестры, посягая и на приданное, которое Веронике собирали мама и бабушка.

Их свадьба была назначена на один из праздничных дней, перед которыми Василий должен был уехать к невесте на Украину. В последний рабочий день Вероника с особым удовольствием не спешила домой, надеясь, что когда она придет в квартире уже никого не будет. Но, прия домой, застала пьяного в стельку Васеньку, безмятежно спавшего возле снятой трубки телефона. Подняв трубку, Ника услышала плачущий голос бывшей сестры. Выслушав ее укоры о заколотом кабанчике, накрытых столах и доходившей в холодке горилке, она объяснила Тоньке, что Василий в нетранспортабельном состоянии. Тонька в слезах принялась ее умолять посадить жениха в такси и отправить на вокзал. У нее срывалась свадьба, над ней и ее «московским женихом» уже начало посмеиваться все село. И ей было совершенно недосуг вспоминать свою недавнюю войну за простыни и полотенца, вышитые для Вероники бабушкой.

Хотя посильная помощь в устройстве личной жизни бывшего мужа не входила в планы Вероники на вечер, но она тут же начала себя корить, что пьяного Василия могут не только ограбить, но и убить ни за грош, времена начинались лихие. Представив еще одни похороны с бесконечными укорами в чужих взглядах, она взвалила на себя почти бесчувственное тело, которое, к счастью, еще могло переставлять ноги, и поехала на вокзал. Вася, иногда приходил в себя и спрашивал, куда они едут, с трудом вспоминая, что он едет жениться, чем вызывал недоуменные взгляды таксиста. Проводница, которой Васенька был сдан с таким облегчением, что на минуту Вероника поняла свою бывшую свекровь, тоже пришла в замешательство. При расставании ей пришлось с силой отрывать от себя руки вцепившегося в нее Василия, начавшего понемногу трезветь. Смахнув скупую мужскую слезу, он, пока поезд не тронулся, признавался в любви Веронике из-за плеча проводницы, но это было уже лишнее. Загнав его в вагон, проводница спросила, кем она сама приходится беспокойному пассажиру. Услышав в ответ «бывшая жена», женщина лишь сочувственно помотала головой.

Потом был размен квартиры на две комнаты в коммуналках, несколько скандалов при разъезде, где бывшие супруги безучастно стояли в стороне, слушая, как орет неугомонная Тонька, и вот новая жизнь началась. Нике досталась комната в двушке с одинокой бабушкой. В первый же вечер, когда Вероника сидела на покореженной при переезде кровати, беспомощно глядя на неразобранные узлы, не раз перерытые Тонькой, дверь в ее комнату без стука распахнулась и высокая строгая дама пригласила ее на ужин тоном, не терпящим и малейшего возражения. Вероника почувствовала нестерпимый голод и была благодарна Серафиме Михайловне за дымившийся в чашке бульон, золотистые теплые гренки и огромный шницель.

На свой сбивчивый рассказ о своей жизни сквозь вкуснейшее песочное печенье - она впервые не услышала ни одного укора, чего втайне боялась и уже вряд ли была способна вынести. Серафима Михайловна была старухой суповой, прожившей свою жизнь одиноко, она была из того поколения женщин, чьих мужей и женихов унесла война, не оставив им и малейшей надежды на счастье. Но к ее бабьей доле она отнеслась сочувственно, никогда не болтала лишнего на людях и всегда была готова присмотреть за маленьким Алешкой.

Оставляя с ней сына, Вероника была полностью уверена, что с ним не случится ничего дурного, а ее саму всегда будет ждать завернутый в чистое полотенце ужин. Наступали странные времена, когда женщины с обескураживающей ясностью поняли, насколько всем вокруг будет безразлично, если и они сгинут со свету с маленьким ребенком на руках. Поэтому давно не различали пенсии Серафимы Михайловны и заработка Вероники, лихорадочно искавшей дополнительные источники существования.

Однажды, в ее отсутствие, сына соизволил навестить бывший муж, попытавшийся за ужином, накрытым для него старухой, открыть ей глаза на новую соседку, которая бросила на нее ребенка, а сама по «хахалям шастает». Она-то, мол, ее полтора года знает, а вот он уж успел изучить до тонкости. Все последующее произошло настолько быстро, что Василий пришел в себя только на лестничной клетке с шапкой и пальто в руках, выслушивая из-за захлопнувшейся перед ним двери гневную отповедь, из которой сумел разобрать, что Серафима Михайловна без посторонней помощи способна оценить человека, а ему лучше разобраться с собственной совестью.

Вокруг их квартирки проносились черные бури, но десять лет, названные после в народе «лихими девяностыми», прожитые в коммунальной квартире душа в душу с Серафимой Михайловной, стали самыми счастливыми в жизни Вероники. Старуха не оставляла надежды, что ее соседка еще сможет «устроить свою жизнь», а та делилась «девичьими» секретами, впервые получая взамен не укоры, а очень взвешенные жизненные советы.

С мужчинами, надо сказать, Нике не особенно везло. Девушка она была видная, неглупая, мужчинам нравилась, но вот романы у нее получались какие-то бесполковые. Время, когда вокруг было много свободных парней, безвозвратно прошло в заботах о Васеньке, а возникавшие время от времени отношения с женатыми мужчинами всегда кончались расставанием. Ей всегда было совестно настаивать на разрыве с семьей, терзали сомнения, а

сможет ли она построить отношения лучшие, чем у него были до нее. И в самых «располагавших» к разводу случаях у Вероники неизменно возникала перед глазами орущая над ее тряпками Тонька, и она делала все, чтобы ее поклонник смог сохранить свою семью. Вот с чем у нее не было проблем, так это с работой. Специальность, полученная в институте, позволила без проблем переквалифицироваться в бухгалтера, потребность в них в перестроечные годы резко возросла и специальность, так часто высмеиваемая с эстрады, стала делом всей жизни. В бухгалтерии Вероника нашла тот порядок, к которому всегда стремилась, она любила систематизировать и упорядочивать хозяйствственные операции, которые в самом хаотичном порядке сваливались ей на стол. Она забывала о всех своих личных проблемах, воспринимая самым важным в жизни очередную отчетную компанию. Но с новым кварталом все начиналось с начала, и так без конца, пока она не поняла, что ходит по кругу осликом, запряженным в мельничное колесо. Только вот сама мельница, на которую она поливала воду налоговых отчислений, была где-то очень далеко.

Однажды одна из сотрудниц дала ей почтить распечатку статьи из Интернета, которая становилась культовой, цитируемая хмурыми женщинами в бухгалтерских очередях в налоговых инспекциях и внебюджетных фондах. Статья называлась «Объективная необходимость», как именовали налоги все экономисты XIX века. Читая ее, Вероника будто слышала собственные мысли и сомнения.

Вначале было Слово. Оно называлось Закон "О Государственной налоговой службе РСФСР" от 21 марта 1991 г. Свои именины налоговая инспекция отмечает, согласно Указа Президента РФ от 31 декабря 1991 г. "О Государственной налоговой службе РСФСР".

Раз, надо, так надо! Мы зарегистрировались по месту образования предприятий и стали приносить отчеты. Налоговые инспекции тогда занимали две комнатки при исполкомах, которые не переименовали еще в районные Администрации. Именно так, с большой буквы.

В одной комнатке сидел начальник инспекции, в другой - инспектора. В этот момент в исполкомах освобождалось много комнаток - ушли в небытие комиссии по охране материнства и детства, всякие там ветеранские комитеты и прочее. А сама районная власть впала в анабиоз и почти не шевелилась, поэтому и практически не размножалась.

Мне нравилась налоговая в тот период. Все предприятия работали, мы все записывались у своего инспектора и приходили по графику в почти домашнюю атмосферу с фикусами и резедой в горшочках, с бутербродами на подоконниках и детскими рисунками на обратной стороне шкафов, разделяющих комнату. Налог на добавленную стоимость был всего 5%, а у нас еще и прибыль была! Правда, был налог на пенсионное обеспечение 32,6%, но мы понимали, что государству сейчас трудно, надо помочь государству с выплатой пенсий. Ну, были еще подоходный налог, налог на имущество, на милицию... Все пока по мелочи. Все терпимо.

То, что налоги, как форма изъятия части первичных доходов хозяйствующих субъектов и работающего населения в пользу государства объективно необходимы, по-видимому, не вызывает сомнения у образованного и законопослушного члена общества. Государству собираемые средства нужны для выполнения принятых на себя функций. Требовать уничтожения налогов значило бы требовать уничтожения самого общества.

Главное, что у нас было замечательное государство! Оно позволило нам, образованным и законопослушным членам общества, самим зарабатывать на жизнь! То, что творилось вокруг, казалось нам "временными трудностями", а они не могут продолжаться долго. От инфляции еще никто не помер. Однако, отчитавшись за 1992 год, мы узнали, что нас вовсе не хотят отпускать надолго, нам сказали, что мы должны отчитываться каждый квартал, хотя вся мировая экономика считает

отчетным налоговым периодом год. Мы тогда впервые нахмурились и поняли, что, наверно, у государства совсем плохи дела, раз оно решило залезть в нашу текущую прибыль, копившуюся нарастающим итогом. Ее могло и не остаться на конец года, но государство решило снимать с нас ее каждый квартал, сказав строго голосом налогового инспектора: "Что в бюджет попало, то пропало и возмещается лишь платежами будущего периода". "Что с воза упало.." Но все-таки это еще были семечки. Как-то осенью, прибежав в налоговую, заняв очередь к инспектору, мы обнаружили кодовые замки на туалетах. Бухгалтера, знавшие своих инспекторов по "довоенному времени" (ведь не родились же эти женщины инспекторами), вдруг с удивлением обнаружили, что те подчеркнуто смотрят сквозь них и даже не здороваются, не поддерживают разговоры о детях, не разговаривают вообще. Мы поняли, что наступает время "Ч". Мы перестали быть людьми, гражданами, мы были негосударственные структуры. Но мы еще не до конца понимали, кем мы стали. Очень скоро нам дали это понять. Мы проходили какие-то совершенно новые для себя "университеты"...

Вечером, выйдя из ванной, она увидела, что листочки распечатки статьи, оставленные на кухне, внимательно изучает Серафима Михайловна. На ее вопрос, откуда она взяла эту статью, Вероника пояснила, что ее «скачали из Интернета», и очень удивилась, когда старуха серьезно заявила, что ей необходимо непременно попасть в этот Интернет и узнать, что за женщина написала в статье о бухгалтерском учете «Вначале было Слово!»

Они долго говорили в тот вечер, и Серафима Михайловна дала ей последний, очень нужный в ее жизни совет - поменять место работы и перейти в банк. Она рассказала, что когда-то до войны встречала удивительную женщину по фамилии Сфейно, которая наказывала ей всем помочь той, которая напишет эту фразу в книге или статье. Но сколько она потом не читала, никто такого почему-то не писал, ведь эта фраза была из Ветхого

Завета, а в ее времена было не принято демонстрировать подобную осведомленность. За нее могли выгнать с работы.

Хотя эта фраза, пожалуй, была намного древнее самой Библии, ведь еще греки верили в это Слово, называя его просто – «калли опа», прекрасное слово.

И под конец их последнего душевного разговора за чашкой чая Серафима Михайловна сказала, что приняла решение лечь в больницу на операцию, которую оттягивала, сколько

могла. Она показала ей багровые распухшие ноги и сообщила, что ей предложили «убрать» одну почку.

Об Интернете, переходе в банк и прекрасном слове пришлось забыть на полгода, пока она изо всех сил боролась за здоровье старухи, ухаживая за ней после тяжелой операции как самая преданная дочь. Как-то ночью бабушка ухватила ее горячей ссохшейся ладошкой и выдала ей свое решение. Она заявила, что долго присматривалась к ней, решив все для себя давно. Просто не была вполне уверена, что Вероника не бросит ее у последней черты. Она сказала, что в ее серванте среди документов она найдет завещание, она давно решила оставить свою комнату им с Алешкой. Но взамен Ника должна ее похоронить не в Москве, а на своей малой родине в Подмосковье, рядом с родителями и детьми, чтобы ей не разрываться лишний раз. Да и вряд ли в Москве она сможет часто навещать ее могилу. А там, в городе, в котором бабушка не была ни разу в жизни, она будет под ее надежным присмотром. Вероника плакала в ту ночь одна, потому что Серафима Михайловна уже не имела ни слез, ни сил оплакивать их разлуку. Через неделю Ника организовала скромные поминки, отмахиваясь от осторожных укоров в том, что склонила «чужую» соседку по коммуналке в одной ограде с родителями. Слушая людей, внезапно ставших ей чужими, она с удивлением отмечая, как мало для нее теперь значат чьи-то чужие укоры и косые взгляды со стороны.

После похорон Серафимы Михайловны, ставшей для нее родным человеком, Вероника уволилась с работы. После недолгих поисков она устроилась начальником отдела трансакций в тихий банк в центре Москвы, где в аккурат перед налоговой проверкой ее предшественник попал в автомобильную аварию. На его машину, припаркованную на обочине, на большой скорости буквально налетел КамАЗ. Водитель «КамАЗа» не справился с управлением, слишком поздно заметив машину прежнего начальника отдела и не успев затормозить.

Она осмотрела операционный зал, вежливых мальчиков в белых рубашках, деловито таскавших от шредера мешки измельченных в труху документов к ближайшим мусорным бакам. Она уже была знакома с этой обычной суетой перед проверкой, которая в банках иногда заканчивалась изъятием документов. А в «мирные дни» шредер так же бесперебойно работал лишь перед Новым годом, когда измельченной в нем мелованной бумагой «офисный планктон» набивал коробочки, внутри которых прятался маленький ювелирный сюрприз.

Все ящики стола ее предшественника уже были пусты, и Вероника нисколько не сомневалась, что находившиеся в них бумаги и записи первыми отправили в мусорный контейнер в мешке, набитом бумажной лапшой. На столе был сиротливо брошен кожаный футляр опустошенного ежедневника. Чисто по привычке, понимая, что всем сейчас здорово не до нее, Вероника взяла в руки футляр, сразу же поняв, что мальчики проявили неаккуратность и некоторую долю пренебрежительной неосмотрительности, не вынув толстые картонки, на которые была натянута кожа. Возможно, они боялись повредить картонками измельчитель, не зная, что опытные люди именно на них записывают наиболее ценную информацию. Она вынула картонки и незаметно переложила их в свою сумочку, чисто чтобы иметь хоть какие-то гарантии не угодить под колеса КамАЗа сразу после проверки.

По пути домой она успела заехать в магазин компьютеров, где приобрела компьютер, модем и несколько карточек разных провайдеров. Вечером, уложив сына, который продолжал тосковать по «бабушке», она без особых проблем нашла эту странную женщину в Интернете.

Вспомнив многочисленные укоры в свой адрес и немного поколебавшись ради приличия, Вероника зарегистрировалась в ее блоге со странным названием «Огурцова на линии», удивляясь и радуясь, сколько всего ей предстоит прочитать...

Только сейчас она поняла, насколько ей надоела та псевдо-литература, стоявшая в супермаркетах в кричащих обложках в отделах сопутствующих товаров. Она видела, что сама «мадам Огурцова», даже не имея возможности написать роман, может несколькими фразами на крошечном пятаке публицистической статьи создать образы, которые перекрывали все, что пыталась прочесть Вероника за последние годы, удивляясь, почему чтение перестало приносить ей удовольствие. В детстве она так мечтала прочесть множество книг, уверенная, что как только мама перестанет контролировать ее досуг, требуя заняться домашними делами,

она сама будет читать и читать столько, сколько ей захочется. Но пережив вместе с Серафимой Михайловной «лихие времена», она вдруг поняла, что читает по привычке, без прежней радости, что вообще умеет читать. Книги изматывали душу, лгали, не сообщая ничего нового. И только блоге она столкнулась с вещами, которые затронули ее давно, казалось бы, похороненные чувства. У нее и раньше иногда возникало такое чувство, будто пока она живет, стараясь не утонуть в текучке, постоянно выслушивая чужие укоры, где-то далеко кто-то пишет настоящий роман, а в нем непременно найдется место и для нее. Встречая в жизни нежданые подарки, она воспринимала их драгоценной живой строчкой среди вороха пустых слов, пригодных лишь для неумолчного стрекотания шредера. Поэтому она почти не удивилась, встретив в романе «Повелительница снов» чуть-чуть измененный, согласно общему сюжету, рассказ о том, как она нашла Серафиму Михайловну, как та оставила ей свое жилище, как много сделала для нее и ее мальчика.

Конечно, чтобы сходство коллизий не так бросалось в глаза, старушка из романа жила в частном секторе в покосившемся домике, а молодая мать ждала отца ребенка из армии. Но Вероника уже твердо знала, что пока она сидела в своей комнате, глядя на узлы, перерытые Тонькой, одна строчка из этого романа перевернула всю ее жизнь. И впервые за много лет она заплакала возле монитора, так и не понимая в перепутавшихся мыслях и чувствах, - то ли литература вновь вернулась к ее измученной душе, то ли она опять начала душой чувствовать литературу.

* * *

Вначале ее любимый блог обрушили, затем он кое-как, со сбитыми картинками, вместо которых стояли красные крестики, восстановился и заработал. Появлявшиеся в блоге статьи вновь отвечали на самые болезненные вопросы, возникавшие у Вероники. Будто каким-то образом между ней и хозяйкой блога возникла мысленная связь, хотя она никогда ничего не писала, кроме вежливой благодарности. Ей даже иногда казалось, будто «мадам Огурцова» с молчаливым одобрением следит за ее попытками получить в блоге что-то вроде сетевой «прописки».

А потом, после недельного молчания, в блоге появились фотографии, где совершенно счастливые взрослые люди купались, загорали, пели под гитару, собравшись на «Огурцовских чтениях» на даче у самой хозяйки блога, где-то «посередке России», как прокомментировал встречу один из ее участников.

Читая кратенький отчет о сборе завсегдатаев блога, Вероника испытала не только щемящую зависть к этим людям, но острый приступ страха, понимая, что в наступившие времена никто не позволит людям просто радоваться жизни и испытывать друг к другу дружеские чувства.

С растущим чувством негодования она читала, как по надуманному поводу против «мадам Огурцовой» возбудили уголовное дело, стараясь уничтожить единственного писателя, которого Вероника читала без предубеждения, зная, что здесь никто не нанесет никакого ущерба ее истерзанной сомнениями душе. Она видела, с каким трудом та проходит все испытания, которые в мирное время, в родной стране беззащитной женщине устроили люди, отлично сознававшие, что делают на самом деле.

Но в этом случае сама «мадам Огурцова» проявляла изрядную выдержку, внимательно отслеживая все общественные «тренды», сразу же выступив против нагнетания общественной истерии националистами, составляя письма и обращения о немедленном запрете всех организаций националистического толка.

Уголовное дело против «мадам Огурцовой» было возбуждено по доносу представителей «Российского конгресса народов Кавказа», которые усмотрели в ее письме президенту страны – некое «оскорбление достоинства», хотя, как выяснилось на следствии, никто из них блога не лично не видел, о письме знал с чужих слов. После никто из них на суд не явился под различными предлогами.

Само письмо было написано с требованием разобраться в ночном погроме в детском лагере. За неделю до этого события прямо на улице, возле столичной станции метро произошло циничное убийство журналиста. Убийца «кавказской национальности», как расплывчато писали в СМИ, был тут же отпущен органами правопорядка под подписку о невыезде, хотя запись с камеры наружного наблюдения однозначно свидетельствовала о его виновности.

Письмо «мадам Огурцовой», в сущности, было написано в защиту 13-летней девочки, которую высшие чины государства, здоровые мужчины, вдруг начали обвинять во всех грехах, заявляя, что та – «проявляла желания, не свойственные ее возрасту». Веронике тоже показались, по меньшей мере, некрасивыми подобные заявления взрослых мужчин зарубежной прессе. Она лишь примерила подобную ситуацию на себя и поняла, насколько невозможной оказалась бы жизнь девочки-подростка, если бы «мадам Огурцова» не вызвала огонь на себя. Впрочем, она не понимала, как девочка может «спровоцировать» ночную драку, в результате которой ее саму жестоко избили, попытавшийся ее защитить начальник лагеря получил тяжкие телесные повреждения, а корпуса лагеря оказались с выбитыми окнами, пробитыми стенами и разрушенной мебелью. За всем этим «инцидентом» стояла подлость испорченных и вполне взрослых людей, решивших прикрыть свое преступление «испорченностью» несовершеннолетней девочки.

С наездами на «мадам Огурцову», которой после допросов вдобавок мазали лифт человеческими фекалиями, намекая на «возмущенных» ее письмом «пострадавших» исключительно «кавказской национальности», происходили и другие, не менее знаковые события. В Екатеринбурге водителю снегоочистительной машины выстрелил в лицо из «травматики» владелец автомашины, которую попросил отогнать потерпевший. При задержании на защиту «стрелка» встало местное отделение «Российского конгресса народов Кавказа», заявив, что все претензии органов правопорядка имеют «этническую окраску». В Ростове-на-Дону студент с Северного Кавказа зарезал своего однокашника, сославшись на то, что покойный «оскорбил его национальные чувства. В маленький городок на Ставрополье ворвалась группа бандитов с Северного Кавказа, которые оказались к тому же представителями правоохранительных органов. Они попытались изнасиловать двух девушек, на защиту которых встало местное население. Местные представители органов правопорядка, пытавшиеся защитить бандитов от самосуда, получили огнестрельные ранения в спину. Происходило и еще множество преступлений – непременно публичных, с криками «Россия будет нашей!», как бы намеренно провоцируя людей на необдуманные поступки. Ведь и само письмо «мадам Огурцова» написала в противовес к призывам выйти на улицу и «доказать любыми способами наше право на жизнь». И как бы последующие события должны были изменить ее отношение к происходящему, настроить ее против чеченцев и других выходцев с Кавказа. Проблема лишь заключалась в том, что ее отец был в точности таким же «выходцем с Кавказа», армянином по национальности.

Вероника лишь зябко передернула плечами, когда читала, что «мадам Огурцова» отправилась на стройку, чтобы выяснить, чем это она так достала чеченцев, что те испачкали у нее лифт в доме. Следовали, допрашивавшие ее, сказали, что раз заявление на нее написали чеченцы из «Российского конгресса народов Кавказа», то и в лифте у нее побывали тоже чеченцы, оскорбившиеся, что она обвиняет в разгроме детского лагеря «чеченских отдыхающих», а не девочку 13-ти лет. Однако сами чеченцы, работавшие на стройке, заявили ей, что никаких претензий к ней не имеют, предпочитают ни во что не вмешиваться и жить в мире. А в ее лифте гадили те, кто заставил чеченцев из «Конгресса» написать на нее заявление.

Сразу после обыска у нее дома и изъятия всех компьютеров и радостных заявлений прессы «Огурцовой перекрыли линию» - в Москве выходец с Северного Кавказа застрелил из «травматики» представителя фанатов футбольного клуба. Вероника нисколько не сомневалась, что этого борца за «национальное достоинство» немедленно отпустят, хотя свидетелей убийства бы вполне довольно.

В сети появились призывы выйти на Манежную площадь. И, казалось бы, это лишь на руку «мадам Огурцовой», от которой требовалось лишь поддержать этот протест, выступив в националистическом духе. Вероника нисколько не сомневалась, что в этом случае ее «линию» напротив поддержали бы сменившие ориентацию правоохранительные органы. Но она вдруг с крайним презрением заявила, что все, кто уговаривает людей прийти на Манежную площадь, - в равной мере виновен в смерти несчастного парня, заметив, что ни одно мероприятие на Манежной площади не обходится без участия спецслужб.

Вероника вспомнила, как встречала в сети замечание об Огурцовой, что раз та когда-то поработала в милиции, то так «ментовкой и останется», потому что «бывших ментов не бывает». Речь шла о статье «Ментовский разговор».

Предупреждение в духе политкорректности и толерантности — этот разговор... чисто ментовский. Потому ряд сложных вопросов юриспруденции обсуждается в чисто ментовской терминологии: «сука», «ссученный», «параша» и т.д. Правда, мой собеседник делал скидку, что я пока не его подследственная, а, прежде всего, товарищ женского пола — в общей самозабвенной борьбе за правовую защиту нашего с ним населения.

В чисто ментовской лексике мы разбирали с ним наши ментовские стереотипы восприятия дела Ульмана.

Мой собеседник — заслуженный мент, не раз бывавший в командировках в Чечне.

Олег Викторович

Здравствуйте! Открыл для себя нового автора, т.е. Вас, и с удовольствием читаю. Так вот, по Ульману. Он далеко не белый и пушистый. Расстрелять гражданских, не в районе разведпоиска, а в блокированном районе, это надо еще иметь очень вескую причину, которую мы не знаем, в виду недостатка информации.

Мне представляется, что здесь имеют место быть, какие-то интриги в самой среде спецслужб. Известна зоологическая «любовь» ГРУ к ФСБ, Спецназа ГРУ и ВДВ, и т.д. и т.п. Но это всего лишь мои догадки. А с Вашей, политico-эмоциональной оценкой ситуации я полностью согласен. С уважением.

Огурцова

Олег, я знакома с вашей позицией. Моя политическая точка зрения такова, что я вовсе не считаю Эдуарда Ульмана — «героем России» и митинги с подобными лозунгами не посещаю.

Тем более, что около двух лет, не располагая всей полнотой информации, не видя, куда именно волокут все следствие, — рассуждала в точности так же, считая, что в ГРУ и ФСБ — мальчики вполне взрослые, поэтому могут в своих непонятках разобраться и без ментовских.

Но в ходе пиар-кампаний по поводу, когда СМИ на дню по десятку раз пафосно заявлялось о Нюренбергском процессе и американских военных, творивших зверства во Вьетнаме, я поняла, что мои поверхностные рассуждения продиктованы не столько процессуальными нормами, сколько чисто ментовскими стереотипами, которые уже не вышибить! Как говорится, можно вышибить петуха из деревни, но деревню из петуха не вышибить. Так и с ментовкой.

Ваши доводы мне немного раньше привел наш общий знакомый. Я ему сказала, что вы рассуждаете типично по-ментовски. Понятно, что наша родная ментовка, если кто-то где-то честно живет не хочет, — обчистит карманы задержанного и напинает сапогом — без всякого приказа из штаба. Чисто на автомате.

Но далее, ежели менту из штаба кто-то предложит в приказном порядке расстрелять подследственных, а трупы — сжечь, любой мент сразу сообразит, что эти штабные анашой обкурились, всех обзванивают, а утром проспятся и гордо заявят, мол, ни колы цього ни було! И тебя же за такое «исполнение» поимеют.

Отсюда оптимистический вывод: наша родная ментура способна адекватно оценивать уровень преступного умысла приказов своего штабного руководства!

А что вы хотите от спецназовца ГРУ, который думает, что это — разведгруппа, что штаб что-то знает сурьезное, что сейчас этих задержанных будут отбивать и в штаб ему их живыми не доставить? Он думает, как сам сейчас будет уходить. Он ведь требует далее, чтобы ему минные поля дали и точки обстрела — а в штабе молчок!

Нет, тут со штабом надо очень серьезно разбираться. Дело явно не доследовано. Вы сами, как мент, должны это понимать лучше кого-либо. Я, кстати, сказала нашему знакомому, что вы рассуждаете типично по-ментовски, в обычных ментовских стереотипах. Он заржал и ответил, что вы и есть мент.

Олег Викторович

У всех есть свои недостатки. На самом деле, по данному вопросу, я мог бы, наверное, еще много чего думыслить, и даже дополнить. Но что делать? Я ведь не ГРУшник, тут бы им слово дать. Хотя, с другой стороны, я очень много работал в контакте с ними, и слово даю, ребята очень адекватные.

Это тот самый случай, когда у каждого своя правда, а в общем — ее нет совсем. Хотя, где-то я читал, что за военные преступления надо расстреливать на месте, или не судить совсем. Так и тут — объективно оценить действия Ульмана с точки зрения уголовно-правовой квалификации невозможно, сразу встrevает этика и политика. Если этику, можно привычно перешагнуть, то с политикой — закавыка.

Неужели опять по-ментовски излагаю? С уважением.

Огурцова

Олег... я даже могу дать ссылочку, где писала один-в-один то, что пишете вы. Тоже из тех же ментовских стереотипов. Но ведь и вас учили так же, как и меня! Вспомните простую вещь! Есть в этом деле состав уголовки? Есть! Разве для уголовки не достаточно шести трупов, расстрелянных и обгоревших? Да выше крыши!

Конечно, мотивация очень важна именно в уголовке. Ведь далее вы должны квалифицировать этот состав по статьям УК. И вы знаете, что эти шесть трупов можно квалифицировать от трех лет (причем, условно при отсутствии рецидива) — до 16 лет стогача.

Опять вспоминаем уроки старших! А старшие нам говорили, что, ежесли мы имеем дело с нетипичной для уголовки мотивацией, надо искать рядом с этим терпилой — настоящего заказчика уголовного преступления. Только тогда дело будет доследовано. Разве мы не имеем подобных заказчиков в штабе? Разве эти заказчики, изворачиваясь, уже не дали суду ложные показания, будто понятия не имеют, кто же руководил операцией? Да только за это все штабные крысы свои пять лет честно заработали!

Этот кусочек статьи о «деле Ульмана» Вероника тут же вспомнила, заметив, с каким непонятным ей ажиотажем «мадам Огурцова», которой бы надо было больше думать о своем, о «девичьем», сразу же отреагировала на сообщение, что выходец с Северного Кавказа, застреливший футбольного фаната, был уже неоднократно судим.

Уже отметив, что неоднократно ранее судимый обвиняемый находился в полнейшем распоряжении правоохранительных органов, а гулять по московским проспектам с травматикой мог лишь в состоянии полнейшей лояльности к нуждам и потребностям всех, «кто нас бережет», — не могу не отметить один немаловажный факт. Простите, но даже искренне сочувствую близким убитого парня, погибшего совсем молодым, вынуждена сказать, что обвиняемый не лжет. И если его проверить на детекторе лжи, то полиграф покажет, что он говорит правду. Кстати, а почему его не проверили на детекторе лжи, а моему брату, который никого не убивал, следователь угрожал «прогнать на детекторе»?..

Причем, никто не предлагает провести обвиняемому, отстрелившему незнакомому человеку голову на улице — принудительную психиатрическую экспертизу. Хотя в данном случае это были обязаны сделать по закону, поскольку... с точки зрения уголовной мотивации убийства, он бредит вслух и вряд ли отдает себе отчет в происходящем. В сущности, он попытался объяснить свой поступок, начиная осознавать всю тяжесть и необратимость содеянного. И он объясняет его — страхом, а не ненавистью.

Вряд ли человек мог испугаться толпы футбольных болельщиков, не представлявших никакой опасности для его родных в Нальчике. Уверена, ни убитому им молодому пареньку, ни его друзьям — и дела не было до беременной жены обвиняемого. Перед судом он ее перепрятывает и боится назвать домашний адрес. Но разве он боится мести со стороны близких убитого, собравшихся в зале суда? Нет! Он боится... новых заказов со стороны тех, в чьих руках находится его судьба после неоднократных судимостей. У него самого не было никаких причин убивать футбольного болельщика, по своей воле он бы к ним и не вышел. Его погнал туда страх, кто напрямую угрожал его беременной жене и близким в Нальчике.»

Вероника почувствовала, как после взвешенного анализа «мадам Огурцовой» не только успокаивается сама, но спадает и общее напряжение. Она видела, как сразу уходят в тень те, кто только что орал о своих болезненных «национальных чувствах», стоило ей заметить: «У человека должна болеть душа, а не национальность!»

В детстве у Вероники была толстая хрестоматия русской литературы «Живое слово», она обожала эту книгу, всегда считая ее название легким преувеличением. Но когда на ее глазах «мадам Огурцова» с легкостью всех вывела на чистую воду, успев пройтись по сомнительной правительственной программе «мультикультурности», тут же после этого сошедшей на «нет», - Вероника поняла, что впервые имеет дело с человеком, у которого все слова не только понастоящему живые, но и действующие наверняка.

Перед ней разворачивалась масштабная битва, где «мадам Огурцова» обобранная при обыске, уничтожаемая и ежедневно возрождавшаяся, выступала против всех, отбиваясь только словом. И вряд ли сам автор поэмы «Во весь голос» владел словом так, как автор блога «Огурцова на линии». Ее остроты и статьи не стояли в показушном параде, они тут же шли в атаку, уничтожая свинцовые тучи тщательно спланированных массовых провокаций.

*Парадом развернув//моих странец войска,
я прохожу//по строчечному фронту.
Стихи стоят//свинцово-тяжело,
готовые и к смерти//и к бессмертной славе.
Поэмы замерли,// к жерлу прижав жерло
нацеленных//зияющих заглавий.
Оружия//любимейшего//род,
готовая//рвануться в гике,
застыла//кавалерия острот,
поднявши рифм//отточенные пики.
И все//поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах//пролетали,
до самого//последнего листка
я отдаю тебе,//планеты пролетарий.*

В.В. Маяковский «Во весь голос»

Это не было попыткой кому-то «раскрыть глаза», Вероника не могла избавиться от ощущения, что оживающие на ее глазах строчки «мадам Огурцовой» - тут же шли в атаку, зная, что никто им на помощь не явится. И Вероника нисколько не сомневалась, что каждая строчка старается защитить и отвоевать именно ее душу, а не каких-то «планеты пролетариев».

* * *

И вот посреди всего этого сетевого кошмара, когда она выходила в Интернет, прежде всего затем, чтобы проверить, жив или уничтожен огуречный блог, зная, что всем терзаниям многим ненавистной «мадам Огурцовой» еще далеко не конец, она получила письмо, поразившее ее крайней беспечностью.

Дорогая Вероника! Наступает лето, хотя и не такое, как хотелось бы. Я приглашаю всех на очередные «Огуречные чтения». Надо выехать не позднее пятницы, потому что в субботу никто уже не сможет уехать. Неприятно говорить, но что-то произойдет большое и страшное, связанное с водой. Поэтому лучше приехать, потому что потом у тебя начнутся квартальные отчеты, да и душа станет неподъемной.

Надо захватить купальник, я устрою хорошую погоду. Все нормально приедут и уедут, все будет хорошо! А я очень хочу вас увидеть, особенно тебя. Мне так нравится это твое увлечение астрономией! Не переживай, ничего в твое отсутствие не случится. Полотенец не бери, все их потом забывают, у меня весь дом в этих полотенцах. Мазь от комаров тоже есть, но я комаров разгоню, у меня есть любимые ручные лягушки. В

принцев не превращаются, отказываются. Как бы сделать так, чтобы все, наконец, захотели стать принцами?
Да, я же забыла сказать дату! Настраивайся выехать седьмого июля, это будет идеально. Хорошая Луна и приятная попутчица, что еще надо для дорожной романтики?

В конце письма стоял смайлик, которые Вероника терпеть не могла. И это писала женщина, противостоянием которой против всей репрессивной машины она так восхищалась! Машинально она поразилась, откуда она знает, что астрономия всегда была ее любимым предметом. Как, впрочем, и то, что Вероника с детства обожала сказки, где все лягушки превращались в принцев.

Потом ей пришлось поразиться самой себе, давно не совершившей никаких поступков, продиктованных «внезапными порывами». Вначале она заказала билеты на поезд, хотя никогда бы не решилась сорваться с работы накануне квартальных отчетов. Глянцевые мальчики ее отдела смотрели на нее с нескрываемым интересом, не понимая, что могло ее резко сорвать с места, чтобы она немедленно написала заявление с просьбой предоставления недельного отпуска за свой счет.

Пытаясь закрыть туго набитую сумку, не желавшую застегиваться, она опять поразилась странному письму и еще более странной манере срывать незнакомых людей с насиженного места, приглашая их поехать на природу кормить комаров. Она вспомнила предупреждение на счет мази для комаров, которых должны были отогнать ручные лягушки, не желавшие превращаться в принцев, вытащила из сумки флакон спрея против комаров, и сумка сразу же застегнулась.

В купе, пихая перед собой большую сумку на колесиках, вкатилась невысокая женщина, чем-то смутно ей знакомая, с коротко стриженными неприбранными волосами. Кроме «дорожных» тренировочных штанов на ней была черная майка с надписью на спине, которую Веронике никак не удавалось прочесть, пока она впихивала сумку под ее сидение с дежурными извинениями. В стекло застучал какой-то мужчина с девочкой лет тринадцати. Женщина басом заорала прямо в ухо Веронике: «Идите отсюда! Скоро час пик, а он провожать решил! Все со мной в порядке! Еду не с мужиками! Домой, домой езжайте! Немедленно!»

Мужчина, прижимая лицо ладонями к стеклу, пытался разглядеть, с кем же в одном купе его оказалась строгая супруга, тяжело плюхнувшаяся на полку напротив Вероники.

- Ага, не с мужиками еду, - вдруг сказала она, посмеиваясь так, что Вероника не могла не ответить на ее улыбку. – Но еду-то точно к мужикам!

Смеясь, она в изнеможении упала на аккуратный угольничек подушки в чистой наволочке, хотя Вероника поняла, что раз она прятала сумку под ее нижнюю полку, то ее место явно над ней, а не на подушке, на которой она расположилась. Вероника начала опасаться, что в купе, с ручной кладью наперевес, немедленно закатятся другие попутчики, разгорится неминуемый скандал с неизбежными укорами из сказки «кто спал на моей подушке», а в эпицентре всех укоров, конечно, окажется она.

На стук мужчины в окошко попутчица оглушительно крикнула: «Не пойду!», и мужчина с девочкой, невозмутимо разговаривая и чему-то улыбаясь, отправились вдоль вагона к выходу с перрона.

- Чего к ним выходить? – сама себе сказала женщина. – Знают ведь, что все равно поеду! Нет, стучат и стучат! Кстати, меня зовут Лера!

- Вероника, - представилась она, поняв, что последнее относится к ней.

- А она мне написала, что мы доедем по-царски, как в СВ, что в купе больше никого не подсадят, она за этим проследит, - ответила на ее опасения Лера. И Вероника окончательно смутилась, понимая, что совсем распустилась и перестала следить за мимикой, а на ее лице опять все отразилось, о чем ее не раз предупреждала Серафима Михайловна.

- Вы тоже едете к... ней? – осторожно поинтересовалась Вероника, рискуя быть непонятой.

- А к кому туда еще ехать-то? – ответила Лера встречным вопросом. – Да и у вас даже на лице написано... такое... огуречное.

Вероника внимательнее посмотрела на нее и поняла, где она могла видеть эту растрепанную особу. Иногда по утрам в выходные дни она смотрела какую-то огородную передачу про то, как на дачном участке надо выращивать газоны, томаты и, конечно, огурцы. Вероника хорошо запомнила ее лицо, когда в одной из таких передач дама, зарывшись всем телом в мощные плети парниковых огурцов, предлагала зрителям – «вообразить, о чем огурцы могут думать, а о чем и задумываются».

Как только вагон тронулся, Лера с той же бесцеремонностью полезла к ней под лавку – доставать сумку. Билет у нее был действительно на верхнюю полку над головой Вероники. Треща без умолку, она сообщила, что хотя и верит во все сказанное «мадам Огурцовой» безусловно, неоднократно убеждаясь, что всему сказанному надо следовать «тупо и без рассуждений», но все же не была уверена стопроцентно. Но ведь почему-то оказались же они с ней в одном купе! И раз та написала, что ее попутчица любит сливовую наливку, так она специально захватила бутылочку.

По купе распространился тонкий, непередаваемый аромат сливовой наливки, именно такой, какой ей так нравился когда-то. Вероника почувствовала, что с ее плеч слетает лет десять, никак не меньше. И, глядя на заглядывавший в купе серебряный рожок Луны, она окончательно почувствовала себя в дороге.

Коротким сном они забылись уже под самое утро, успев рассказать другу свою жизнь, два раза пореветь и поругаться со стучавшими в стенку соседями. Утром, когда сердитая проводница подняла их за час до остановки, на перроне их ждал высокий молодой человек с бумажкой «Огуречные чтения», возле него уже топтались какие-то симпатичные молодые люди. Они тут же подхватили их сумки, и Вероника с облегчением поняла, что ей никуда не придется тащиться на общественном транспорте.

Дорогу до загородного дома, который молодой человек за рулем битком набитой большой машины называл «Избушкой Бабы Яги», она помнила смутно. Избушка оказалась скромным трехэтажным коттеджем, где их встретила хозяйка блога с юзерней Анной, приехавшей днем раньше. Анну Вероника помнила по развернутым комментариям с историческими справками и непременными «уроками истории», склонным поведением в отношении одного противного старикашки, писавшем про марксизм, и героическим участием в судилище над «мадам Огурцовой».

- Я очень рада вас видеть! – сказала хозяйка. – Познакомься, Анюта, это наши Урания и Эвтерпа!

Вероника не поняла, что она имела в виду, так как ей показалось, что Анна смотрит на них с Лерой с нескрываемой озабоченностью. Но тут же началась суэта за огромным столом, она с Лерой оказались посреди поистине мужского сборища, гости все подъезжали... и Вероника

поняла, что давно не была в такой теплой обстановке, хотя многие, как и она, видели друг друга впервые.

Потом было купание в пруду, украшавшему весь горизонт за «избушкой», а после они готовили шашлыки. Весь вечер она в каких-то немыслимых шляпах снималась с полуоголыми нетрезвыми мужчинами, казавшимися Веронике давно знакомыми, будто она всех знала сто лет. Она давно не проводила время с такой беззаботностью, поражаясь, что действительно даже не слышит комариного писка, не говоря о чьих-то укорах. Анна ей со смехом сказала, что ручных лягушек хозяйки дома зовут Вернер и Браун, они сейчас «в смене». Вероника не знала, как серьезно ей следует воспринимать сказанное, но Анна уже тащила ее кормить молоком ручного ежа Пафнутия, отвечавшего в доме за отсутствие мышей и слизняков в теплицах.

Им с Лерой досталась большая светлая комната на втором этаже. Хозяйка извинилась за своего негодника-кота, избравшего уютный диван, на котором устроилась Вероника, в качестве... своего ритуального туалета. Зная, как его хозяйка любит на этом диване размышлять о превратностях бытия, мерзавец метил его ежедневно, как бы заявляя на нее свои особые права. Поэтому диван из квартиры вывезли подальше от обескураженного кота в «избушку», залив дезодорантами и чистящими средствами. Однако, на свежем воздухе диван нисколько не «выветрился», ничего из предпринятых мер не помогло, и при двух раскрытых окнах кошачьи запахи окутывали бедную Веронику так, что она не могла больше ни о чем думать, кроме немых укоров в адрес распоясавшегося кота. Не выдержавшая ее вздохов Лера сказала, что на кухне она видела палочки благовоний. Но когда они спустились вниз, они обнаружили всю кампанию, разливавшую коньяк из огромного хрустального рога. Кто-то пояснил, что это – «рог изобилия». Обрадованная Лера потянула ее к столу, и Вероника окончательно забыла, зачем они шли на кухню.

В руках лысоватого мужчины, приехавшего с красивой женой и множеством очень вкусных разносолов, зазвучала гитара. Все громко подхватывали строчки огуречного гимна, сочиненного тут же всеми собравшимися. Не весь что, но Веронике так понравилась на ее глазах возникшая песня, что она громко подхватывала припев.

*Замечательный венец,
Всем «делам» - покрышка,
Наш зеленый огурец, -
Свежий, в пупырышках.*

*Развеет непонятки
Огурец на грядке!
Время скоротечно
В блоге огуречном!*

*Огурцами закусив,
Мы найдем тропинку,
Чтобы весело тусить
С музами в обнимку.*

Засыпая под пение ночной птицы, нисколько не сомневаясь, что у птицы тоже есть имя и она исполняет свои песни специально для нее и других гостей, она шептала ей «бис!». Она чувствовала себя такой счастливой, какой чувствовала лишь когда-то давно, в молодости, поехав с институтским стройотрядом юных проводниц по железной дороге от Москвы до Владивостока...

* * *

Вернувшись в Москву, она получила письмо от «мадам Огурцовой», что на нее началась очередная атака. Всей мощью государственной машины ее пытались лишить средств к существованию. Она сообщила, что ее вызывали в Сбербанк, где мальчик в белой рубашке изdevательски сообщил, что уничтожают все ее счета, лишая возможности пользоваться платежной картой на том основании, что она внесена в список Росфинмониторинга опасных террористов. Формальным поводом такого «противодействия экстремизму» стала ее судимость по ч. 1 ст. 282.

В словаре Ожегова Вероника прочла, что экстремизм - это «крайние методы в политике», подумав, что вводить уголовную ответственность по этой статьи и надо в отношении политиков, которые своей деятельностью наносят вред обществу, а вовсе не против отдельных граждан, вдоволь расхлебывающих все последствия таких «крайних методов».

И невооруженным глазом было видно, что как раз прокуратура, следствие и судебные органы в отношении хозяйки блога занимались именно неразбавленным экстремизмом в ходе ими же провозглашенной «борьбы с экстремизмом». И, судя по растущим оборотам ее отдела, ничего не предвещало, будто они действительно желали побороть какие-то негативные явления хотя бы на ниве «отмывания средств, полученных преступным путем». Удар «КамАЗ», судя по записям на картонке организатора, ее предшественник получил за излишний интерес к счетам в Гонконге и Панаме крупной дилерской сети синтетических наркотиков. Но в списке Росфинмониторинга рядом с фамилией «мадам Огурцовой» не было ни одного человека даже из Московской области.

Вероника понимала, что этот закон, как и многие другие, нарушающие конституционные права граждан, писали даже не юристы. Это был один из многих законов, написанный в качестве «узаконивания» определенных, явно незаконных действий в отношении вполне конкретных людей. Даже в самом законе не предполагалось возможности «легализации преступных доходов и финансирование терроризма» лиц, над которыми уже были проведены юридические «манипуляции» по «экстремистской» статье, так сказать, «путем совершения преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ». Авторы закона вообще не смогли никак связать эту статью с понятием «легализация преступных доходов», вовсе не желая интересоваться этими «преступными доходами» всерьез, чтобы не ожидать удара «КамАЗ», водитель которого не справится с управлением. Напротив, весь смысл и содержание закона, направленный на борьбу с особо тяжкими преступлениями, - на предотвращение террористических актов, захват заложников, пресечение действий бандитских формирований и т.п., - нивелировался дополнением этой одиозной статьи 282 в качестве основания для голословного обвинения человека в терроризме.

Внезапно, кое-что вспомнив, Вероника решила просмотреть новостные сообщения недельной давности. Она быстро нашла новость о взрыве, который произвела какая-то женщина-смертница, подорвав известного в Дагестане богослова, пользовавшегося большим уважением. Ей сразу было подозрительно, что в качестве такой «шахидки» выступила бывшая драматическая артистка, да еще и танцевавшая брейк-данс. Судя по всему, погибшая при взрыве женщина вела достаточно легкомысленный образ жизни. Веронику не убедили разъяснения, что до взрыва она трижды побывала замужем, а потому «разочаровалась в жизни» и «мысленно склонилась к шахидству». Это абсолютно не вязалось с личным опытом Вероники, на минуту представившей себе Тоньку. Для нее эта подробность означала лишь желание идти по чужим головам, но уж ни в коем случае не совершать публичное самоубийство.

Но в качестве «последнего аргумента» журналисты и начали сообщать о каких-то «списках» и перечнях, в один из которых угодила сейчас и «мадам Огурцова».

Как стало известно, в организации взрыва, жертвой которого стал известнейший в Дагестане богослов шейх Саид Афанди, подозревается бывший амир кадарской бандгруппы. Отмечая свое назначение лидером северокавказских боевиков Доку Умаровым амиром вилайта Дагестан, он и отправил к шейху смертницу — 30-летнюю

актрису. Молодая женщина еще с прошлого года числилась в списках потенциальных смертниц, по которым работали оперативные службы. В Дагестане после очередного громкого преступления решили создать отряды самообороны.

Естественно, поняв, в какие списочки внесли «мадам Огурцову», Вероника тут же помогла ей составить жалобы, прежде всего, в этот самый Росфинмониторинг, в которых указала, что та всегда являлась законопослушным налогоплательщиком, имела исключительно легальные доходы и лишних средств у нее на «терроризм» не имеется.

Для себя Вероника отметила, что список существует в неком нестабильном, постоянно обновляемом виде. Никого из внесенных туда граждан особо не предупреждают и ничем такие представления о них не обосновывают. Вносят... далеко не всех, имея жесткие требования к кандидатуре очередного «стрелочника». И здесь на роль «разочарованной жизнью» хозяйка блога подходила куда больше, чем исполнительница брейк-данса. Вероника похолодела, вспомнив, что муж старшей дочери «мадам Огурцовой» - мусульманин. Она знала, насколько любят заявлять спецслужбы, будто все русские женщины, принявшие мусульманство, становятся террористками. Что им стоит заявить, будто и с блоггершей произошел аналогичный «общий для всех» случай?..

Через несколько дней им ответил начальник Управления по противодействию терроризму Росфинмониторинга. В ответе он обосновывал законность внесения ее в такие списки и объяснял, будто получив такую вот судимость, уплатив штраф — ее через полгода можно отнести к особо опасным преступникам начать «финансово мониторить». Но по самому недовольному тону его ответа и Вероника, и сама «мадам Огурцова» поняли, что теперь вряд ли кто-то захочет делать из нее «шахидку».

* * *

Ночью, после затянувшегося в скайпе за полночь дамского обсуждения ответа мужчины, организующего «противодействие терроризму», Веронике приснился сон, будто она сидит в царской ложе главного театра страны. Она тихонько осмотрелась, в чем она оказалась в переполненном рукоплескавшем зале, не в ночной ли рубашке? Но на ней было черное атласное вечернее платье в стиле бюстье. Немного успокоившись, она неуверенно взглянула на сцену и чуть не закричала от восторга! Она будто оказалась в любимом с детства фильме «Музыкальная история», потому что на сцене пел сам Сергей Яковлевич Лемешев! Только он был почему-то не Ленским из «Евгения Онегина», а кем-то с бородой. Но по первым же аккордам она поняла, что сейчас начнется каватина Берендея из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка» - «*Полна, полна чудес могучая природа! Дары свои обильно рассыпая...*»

Вероника ловила каждый звук, жалея лишь о том, что сон начался не с увертюры, а с каватины... Потом она вспомнила, как в детстве пела песню «Снегурочка», которую исполнял Сергей Яковлевич на «Голубом огоньке». Она даже вспомнила слова, стараясь удержать слезы.

*А ночь морозная светла,
А вся земля белым-бела.
Своей Снегурочки метелица
На шубке кружева сплела.
А ночь светла, а ночь светла,
Наверно, ты, моя волшебница,
Из сказки в эту ночь пришла.*

Она забыла, что когда-то любила ходить в театры, благо Москва была в ее распоряжении, позабыла про выставки, классическая музыка тоже осталась в прошлом. Только Лера всю дорогу щебетала, что им надо выбраться в театр... Вот и сон в руку!

- На «Евгения Онегина» с Лемешевым в царскую ложу не протолкнуться, - недовольным тоном сказала сидевшая рядом с ней дама в синем бархатном платье и черном страусовомboa.
– Да и попасть, конечно, в оперу хотелось бы не к каватине, а к увертюре. Но боже, как он хорош! Это послевоенная постановка 1946 года, сейчас ему всего 44 года, голос просто тает! Редкое дарование! А партию Берендея он сам выбрал когда-то для дебюта в театре.

- А вы... кто?- запросто поинтересовалась Вероника, понимая, что раз это всего лишь сон, то и лишние церемонии ни к чему.

- Конь в пальто! – резко ответила дама, поводя белоснежными плечами под пышнымboa. – Вторая горгона Эвриале приветствует тебя, третья муз Урания!

- Мне вообще никогда ничего подобного не снилось, - нисколько не обидевшись, блаженным тоном сказала Вероника. – А что должна делать муз Урания?

- Мне кажется, ты должна заниматься тем, чем уже занимаешься, - фыркнула дама. – Раньше муз Урания занималась астрономией, являясь олицетворением звездного неба, считаясь воплощением возвышенной, небесной любви. Владеет силой созерцания и размышления... Ну, хоть что-то из названного тебе близко?

- Я в детстве так любила астрономию! – призналась Вероника. – А любовь мне нынче светит только небесная. Да и осталось только созерцать...

- Ну, ты ведь уже много достигла этим... созерцанием, - напомнила ей Эвриале. – Ты уже спасла Каллиопу от уничтожения по спискам.

- «Мадам Огурцова» - Каллиопа? – уточнила Вероника.

- Конечно! Она тебе не сказала? А вообще хоть что-то сказала?

- Она сказала Анне, что мы – Урания и Эвтерпа, - вспомнила Вероника.

- Этого достаточно, - успокоилась Эвриале. – Вообще вам предстоит очень необычная и страшная зима. Все гарпии начнут уничтожать Каллиопу, а здесь, в театре младших муз ждет

сурьое испытание. И без вашей помощи им не выстоять. Знаешь, почему мы попали именно на «Снегурочку»?

- Потому что нас ждет зима? – рассеянно спросила Вероника.

- Зима ждет в России всех сразу после лета, - оборвала ее Эвриале. - Опера «Снегурочка», как и «Евгений Онегин» - в русском искусстве триумф взаимного творчества младших и старших муз, слияние литературы и музыки, классического искусства... Но «Снегурочка» - чудесная сказка, которую вы все должны повторить! А ты - муз, зовущая покинуть внешний хаос и суету бренного мира и погрузиться в созерцание величественного бега звезд, который является отражением человеческой судьбы. Ты - воплощенная сила познания, которая тянет к высокому и прекрасному...

- Я сейчас бухгалтер, наблюдающий, как российские деньги тянутся к прекрасным оффшорам, - с грустью констатировала Вероника.

- Тебя выбрала Каллиопа, а она не ошибается, - строго поправила ее Эвриале. – Даже это вам как-то должно пригодиться! Меня лишь удивляет, что четыре старших музы... женщины. Это, конечно, как-то станет понятнее со временем, но раньше все четыре музы были мужчинами. Представь себе, одной из них был и автор этой оперы. Ты даже представить себе не можешь, как ему поначалу не понравилась эта сказка Островского. И вот однажды зимой, после многих неприятностей, он вдруг решил перечитать эту сказку, которую считал глупой и наивной. И он будто прозрел, ощущив ее удивительную поэтическую красоту... И больше для него не было лучшего сюжета и лучших поэтических образов. Что-то такое нужно сейчас и от вас! Вы должны растопить сердца! Посмотри, в зале люди, пережившие войну, а какие у них одухотворенные лица... Посмотри, они чувствуют всем сердцем смысл этой чудесной вещицы с переходом от снежного холода – к неудержимой страсти! Именно здесь наиболее ярко воплощается мысль о великой преображающей силе искусства...

- Но это же всего лишь сон! – с отчаянием воскликнула Вероника, не понимая, почему ее собеседница так серьезно относится к происходящей вокруг фантастике.

- Ты мне не веришь? Не надо верить мне! Поверь в себя! На твоих глазах, одним словом Каллиопа обрушила самые тайные и тщательно подготовленные замыслы! Прибавь к музам свою силу, замкни эстетическую триаду... или как это у вас там называется? Вы должны составить круг и растопить сердца!

- Я... я не смогу! – в отчаянии замотала головой Вероника.

- Тогда она погибнет!

- Ну, хорошо!

- Знаешь, кого ты мне напоминаешь? – улыбнулась Эвриале. - Одного древнегреческого поэта по имени Архилох. Его отец происходил из аристократического рода, а мать была рабыней-фракиянкой. Как незаконнорожденный сын, социальной перспективы на родине не имел и избрал карьеру наемного воина. От этого у него остался какой-то комплекс... Но главное, он вываливал это все... из такого же чувства правдивости... или справедливости, не знаю! Вот как ты! Вечно грызешь себя за что-то и не веришь себе самой. Архилоху говорили, что он напрасно сообщает о себе все худое! Кому надо было знать, что его мама – рабыня? Лучше бы папу одного назвал, верно? Но нет! Потерял на поле боя щит – опять сообщил в стихах всей Греции. Но стихи у него были на редкость великолепные.

*Сердце, сердце! грозным строем встали беды пред тобой.
Ободрись и встреть их грудью, и ударим на врагов!
Пусть везде кругом засады – твердо стой, не трепещи.
Победишь - своей победы напоказ не выставляй,
Победят - не огорчайся, запершиесь в дому, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.*

Архилох

- Это сейчас даже в переводе трогает, а тогда... про сердечный ритм, сокрытый в жизни... не писал никто. Никто, кроме той, которую ты боишься признать Каллиопой, хотя уже точно знаешь, кто она.

*...Не услышим в ответ мы ни звука,
Не узнаем исток и конец.
Здесь скрыта немая наука
Отступавших когда-то сердец.*

*Все равнины покроются солью
И исчезнет последний народ...
Сердца трепетом, нежною болью
Отмечаем мы времени ход.*

- Да, я читала эти стихи. Но мне не приходило в голову, что.. они как-то связаны с тем, чего... нет в романе, - призналась Вероника.

- Что они связаны с жизнью вообще и самим источником творчества? – откликнулась Эвриале.

– Тут надо не просто знать всех предшественников, но принять их со всеми промахами и ошибками, такими, какими они были. Обычно о времени писали иначе. Только двое поняли, что время – не что-то внешнее, а глубоко личное. Хотя... можно было ощутить это в мемуарах или на школьном сочинении про «людей своего времени». Но... мало кто понимает, что отнюдь не молчуны и те, кто «не высовывается» – являются олицетворением своего времени, в которых стучат его часики. Люди считают, что можно посоветовать таким часикам солгать, промолчать... А это бессмысленно. И тут следует отметить, что все необходимо делать в свое время. Можно подождать, пока другой человек «сломает шею», чтобы после подсунуть, казалось бы, то же самое. Однако есть поговорка – «всему свое время». Стоит пропустить это время, промолчать, подождать «удобного момента»... и все! Нет согласия между временем и сердцем, давным-давно подсказавшим «Пора!»

- А что с ним стало? Ну, что стало с Архилохом? – спросила Вероника, уже догадываясь об ответе.

- Убили, конечно. Вот как чуть-чуть на твоих глазах не прикончили Каллиопу под соусом «борьбы с терроризмом». Его в точности так же «внесли в список», дали понять, что прикончившему его – «ничего не будет». Так и случилось. Про Архилоха нынче мало кто знает, хотя все слова при его жизни – подчинялись только ему. То, что он без утайки рассказывал все о себе, это полбеды. Ему ставилось в вину, что в его критике не было ни друзей, ни врагов, обо всех он говорил... не слишком почтительно.

- Как и нынешняя Каллиопа, - заметила Вероника. – Ей многие боятся писать, потому что она очень точно разбирает сказанное, что человек бы предпочел скрыть. Многие на нее злятся... очень многие.

- Люди скрывают то, что в результате непременно приводит к разрушению личности, - ответила Эвриале. – А настоящее искусство помогает душе стать цельной, полностью раскрыться! Взгляни на эти лица... А ведь можно было лишить людей такого праздника, гораздо проще, чем позволить им оттаить от смертельного холода войны. В «Снегурочке» заложена высшая правда! Открыть свои чувства перед всеми, стать искренним и честно признаться в любви... это весьма и весьма опасно. Можно превратиться в холодную лужицу. Но вот Купава с Лелем всегда были искренними, они жили, не пряча своих чувств, им не надо делать никакого усилия, чтобы полюбить, они и так любят все сущее.

Но я... я никому была не нужна с этой моей любовью! Я чувствую, что ненавижу эту любовь!
– со слезами обернулась Вероника к Эвриале.

- Не одна ты так думаешь, - спокойно возразила та. – Любовь, это ведь свойство души. Оно есть или его нет. Боль испытываешь, когда тебе кажется, что оно никому не нужно. Там от души требуется почти божественное великолюбие, не каждый на него способен. Гораздо проще жить без любви, но ты же знаешь, какой это божественный восторг! Укорять себя за любовь и смысла не имеет, как не имеет смысла искать ее источник. Она дается нам как жизнь, не спрашивая, догадываемся ли мы о ее цели и смысле.

- Да... Знать бы, зачем все это?

- О! Вопрос не по адресу! – легкомысленно ответила Эвриале. - Знать бы, какую практическую ценность имеют все эти чудесные дары, трогающие душу, заставляющие сильнее биться сердце... Лишь спустя многие годы выясняется, как они необходимы... Все эти люди могли не пережить зиму без этого потрясения «Снегурочки». Видишь, даже в буфет не идут, им кушать не на что. После такой войны их ждет самая страшная зима 1946-1947 года...

- Нет, я понимаю, что это нужно...

- Да, ты просто до конца не понимаешь, как сложно нести по жизни эти дары тем, кому они достаются вне нашей логики или желания. Каждый ведь считает «почему это досталось ему?» Вот и про Лемешева все говорили, что ведь он из бедной крестьянской семьи, после ремесленного училища и школы красных кавалеристов... за что ему такое? Каждый хочет сейчас оказаться на его месте, представь себе. Все видят лишь триумф на сцене, не зная, сколько раз он в отчаянии хотел бросить все. Он на пике формы, но за каждый выход платит кровью. И лишь спустя годы те, кто сейчас критикует его за «пошлость», «кривляние» и «популизм», поймут, насколько он именно сейчас, в этом голодном послевоенном году был нужен со своей каватиной Берендея... И ты ведь не знаешь, кто его травил? У него сегодня, прямо после спектакля будет партийная разборка.

- Нет! Я ничего такого не знала! У меня мама была поклонницей Сергея Яковлевича, все знали, что его очень любят...

- А ты об этом не знаешь только потому, что, вставая на пути муз, человек неминуемо лишается будущего. Эти люди так и остались в прошлом, считая, что наступило «их время». Но только потому, что этими государственными переворотами, революциями и идеологиями... что?

- Что?

- А то, что люди, не следующие божественному Промыслу, пытаются произвольно изменить ход истории! Они этого и не скрывают! «Кто был ничем, тот станет всем!» Правильно бывший

директор этого театра, которого выгнали у всех на глазах, говорил: «Кто был ничем, тот ничем и останется!»

- Да, я помню эти кадры, - отозвалась Вероника. – Его наш бывший министр культуры выгнал прямо у входа в театр.

- И так же Лемешеву угрожали, что его в театр не пустят! – заметила Эвриале. – Мол, слишком он «сллащавый»! А на твоих глазах прославленного премьера прямо у входа в театр остановила серость, ничтожество, бюджетный вор! И он в себя верит, а ты – нет! И пока ты не поверишь в себя, он так и будет думать, что имеет на это полнейшее право, раз «наступило его время».

- Но почему...я?

- Понятия не имею! Я бы тоже предпочла, чтобы на твоем месте оказался мужчина, серьезный ученый, как это было всегда! Впрочем, я ведь и сама не знаю, как это получается, потому что не помню, как появилась сама, почему появилась именно такой... Думаю, тебе надо смириться и принять все таким, какое оно есть. Ты – муза с циркулем и небесным сводом! Ты – муза цифр и расчетов! Будь добра, соответствуй своему предназначению!

- Вы что-то говорили о том, что... ну, если кто-то встанет против муз...

- О да! Будь добра, отслеживай это в круге муз, как помогла придать гласности эти списки на уничтожение. Сейчас и понимаю, почему это я вспомнила историю Архилоха. Его убили на острове Наксос. А жизнь у него... мягко говоря, не получилась, поэтому многие считали, что и жалеть его не стоит. Вот только дельфийский оракул вначале отказался отвечать на вопросы наксосца Калонда, сразившего Архилоха, поскольку от его руки погиб великий поэт. А потом Дельфы обходили все рожденные на острове. А в античности именно Дельфы определяли хоть истории, а не Политбюро ЦК КПСС. Верь своему сердцу, Урания!